

УДК 1(091)(47)

ББК 87.3(2)6

Б48

Текст печатается по изданиям:

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. —

М.: Республика, 1994;

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. —

М.: Республика, 1995

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева*

Вступительная статья и составление

В.Н. Калужного

Подписано в печать 22.04.03. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 36,12. Тираж 5000 экз. Заказ № 1183.

Бердяев Н.А.

Б48 Дух и реальность / Н.А. Бердяев; Вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. — 679, [9] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-019075-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 966-03-1447-7 («Фолио»)

В настоящее издание включены пять произведений выдающегося русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева (1874—1948), создававшиеся на протяжении двух десятилетий, но объединенные общей тематикой. В них продолжается разработка ведущих тем философа: свободы и творчества, Бога и человека. Главный упор, однако, делается на устройство мира (универсума). Предлагаемые работы наглядно демонстрируют эволюцию взглядов «позднего» Бердяева.

УДК 1(091)(47)

ББК 87.3(2)6

© Вступительная статья и составление.
В.Н. Калужный, 2001

© Художественное оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2003

Раскрывая книгу философа, мы вступаем в его мир. Но что такое мир философа? Прежде всего, это корпус текстов, круг идей, мир мыслей и череда поступков. Мир философа — это и то, что он воображает, и то, что он видит, и то, что он пытается преобразовать.

«Вопрос о мире очень неясен и неопределенен, — констатировал Бердяев. — Есть ли мир все данное, смесь подлинного с призрачным, доброго со злым или только подлинное доброе?»

Философия стремится к истине, справедливости, но философ пристрастен, тенденциозен. У каждого своя оптика, зоркость, угол зрения. Впрочем, философы (и Бердяев не исключение) любят приписывать односторонность ученым, претендуя сами на целостное истолкование явления, мира, человека.

В отличие от ученого, философ не ставит экспериментов. За него это делают другие (жизнь, судьба). Не занимается он и регистрацией происходящего. Философ не летописец, не лаборант, считывающий показания приборов. Так на чем же основывает он свои выводы? Ответ Бердяева: «Я исхожу из непосредственной и первичной интуиции...»

Где место, топос философа? В толпе менеджеров и коммивояжеров, научных сотрудников и служителей Фемиды он оказывается крайним. Ну конечно же, наиболее подходящим местом для него будет трон, кафедра, трибуна, хотя и на них достаточно претендентов. Надежным пристанищем будет башня из слоновой кости, сжимающаяся иной раз до размеров письменного стола. Как никто другой, философ способен удержать вселенную на кончике своего пера.

Философский универсум создается мыслью, логосом. «В начале было Слово» — это и о философии. Ученый не может ограничиться лишь разговорами. Он готов продемонстрировать засушенный листок, заспиртованный орган, осколок раскопанной амфоры, продукт химической реакции. В качестве своего продукта философ может предложить только текст.

Суждения философа интереснее его жизненных перипетий. Философы, как правило, домоседы. Кант за всю жизнь так и не выехал за пределы Кенигсберга. Бердяев не по своей воле был

погружен на «философский пароход» и обречен скитаниям на чужбине. Биография философа, едва соприкасаясь с жизненными событиями, по-настоящему разворачивается в умопостигаемой сфере. Философское рассуждение далеко уходит от облюбованных обыденным сознанием мест. Представляет интерес география или даже астрономия мысли. На карте философских размышлений находится место для различных сфер, областей, галактик.

Первое, с чем сталкивается человек — это многообразие окружающего. Но параллельно с этим возникает ощущение связанности различных компонентов, звеньев, деталей между собой. С точки зрения обыденного сознания мир един, единственен, одномерен. Широта горизонта у каждого своя. Не возражая против единства мира, философ предпочтет считать его многомерным, а то и допустить существование целого множества миров. Философская вселенная может как расширяться, устремляться к бесконечности, так и суживаться, стягиваться в черную дыру.

Мир философа неоднороден. В нем есть свои укромные уголки, зоны отдыха, любовно возделываемые делянки. Различны и траектории, описываемые пытливым мышлением в пространстве возможных миров. Одни предпочитают максимальный охват, другие — погружение в глубину, третьи — скольжение по поверхности.

«Мир», «космос», «царство», «вселенная», «универсум» — понятия близкие и в то же время различные. Филолог назвал бы их квазисинонимами, и добавил, что все это метафоры. Такая ситуация — многозначности, богатства смыслов — типична для философского лексикона. Языковой потенциал и непосредственно отражает жизненный опыт, и прибегает к образным средствам. Подлинным виртуозом философского дискурса выступает Бердяев.

Указанные выше термины используются для описания окружения человека. Последнему свойственно скитаться в широком многообразии пространств. Он вращается в различных кругах, оказывается вхож в разнообразные сферы, принадлежит конкретной среде, социальному слою и профессиональному кругу, пребывает в определенной обстановке. На него притязают семья и школа, государство и общество, земля и небо. Перед ним раскрываются необозримые бездны и космические дали.

Для философа мир — это предмет исследований и домыслов, проблема и гипотеза, фикция и реальность.

Философский космос Бердяева особый. Прежде всего, это мир творчества, воображения, свободы. Но вращаясь в сфере проблематичного, он взыскует достоверности. С легкостью перемещается мыслитель от истории к современности, от мира повседневности к иным мирам. В то же время он сторонится мира науки, бежит логической сферы.

Чтение философа представляет захватывающее путешествие по необыкновенным местам.

Разговор о мирах следует начать с человека. Философия Бердяева, гордо именуемая персонализмом, должна распахнуть вход во вселенную. Ключевыми в отношении данной проблемы являются книги «О назначении человека» (1931), «О рабстве и свободе человека» (1939). По Бердяеву, человек «сознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех миров».

Человек, согласно Бердяеву, двойственное, социоприродное существо. Одной ногой он ступает по земле, другой шагает по коридорам власти. Желание рвать цветы, валяться на траве натывается на запрет: «По газонам не ходить!»

Человек не сводится к паспортным данным. Это не пресловутый «винтик», но это и не многопрофильный универсальный робот. Находясь в пересечении двух миров, человек включен и в третий мир — мир божественного.

Бердяев признает сложность человека. Человек сам есть целый мир, микрокосм и микрогеос. Человек многосложен и многосоставен. В человеке скрывается звериное начало и первобытный человек, история и весь мир, космос. Но человек не есть только один из феноменов в мире объектном. В нем остается его ноуменальная сущность. В экзистенциальной же глубине человек общается с духовным миром. Как существо духовное он превышает мир.

Отношения человека и мира двойственны. Человека допустимо рассматривать как центр вселенной. Но мир все более обезчеловечивается, и человек не чувствует уже под собой твердой почвы. С другой стороны, он лишь ничтожная песчинка в мире. «Человек окружен космической бесконечностью, супра- и инфрамирами».

Есть два типа отношения человека к миру: или человек подчиняет себя миру как часть его, или человек вбирает в себя мир. Это противоречие практически неразрешимо. «Противоречия человека в мире окончательно преодолимы лишь эсхатологически». По мнению философа, судьба человека определяется после духовного опыта в мирах, больших, чем данный в краткой земной жизни.

Человек видится Бердяеву существом пограничным, находящимся на стыках многочисленных миров: «эмпирического» и «идейного», феноменального и ноуменального, цивилизации и культуры, социума и космоса. «Человек есть явление, природное существо, подчиненное закону этого мира, и человек есть «вещь в себе», духовное существо, свободное от власти этого мира».

Человек живет как в своем собственном субъективном мире, так и в отчужденном объективном мире. Важно подчеркнуть,

что человек прежде всего субъект, из объекта невыводимый. Не вмещаясь в мире необходимости, человек себя трансцендирует.

Парадоксальность человека Бердяев объясняет тем, что корни его как на небе, в Боге, так и в нижней бездне. Он образ и подобие Божие, но он и порождение дьявольского, «меснического».

Возникая в родовом процессе, индивидуум принадлежит природному миру. Но человек есть также личность, т.е. духовное существо, несущее в себе образ божественного. Тем самым через человека есть выход в иной мир. Личность есть прорыв и разрыв в миропорядке.

Неортодоксальность бердяевского взгляда на человека приводит к тому, что оказываясь причастным к многим мирам, человек оказывается по существу бездомным.

Для Бердяева «мир — плюралистичен, в нем все индивидуально и единично». Он весьма настойчив в утверждении этой мысли. «Ошибочно думать, что человечество живет в одном и том же объективном, данном извне мире».

Человек строит картину мира в зависимости от многих факторов. Соответственно, «есть особые миры, открывающиеся для вероисповеданий, для национальностей, для профессий, для сословий и классов». Даже каста ученых имеет свои миры, определяемые академическими традициями. Миры раскрывались по своему разным типам культур, мировоззрений, эпохам, регионам.

Как ни странно, в одно и то же время, практически в одном и том же месте могут сосуществовать несоизмеримые сферы. В качестве примера Бердяев указывает Пушкина и св. Серафима Саровского, которые «жили в разных мирах, не знали друг друга, никогда ни в чем не соприкасались». Они «несопоставимы, несоизмеримы, точно принадлежат к разным бытиям».

Две основные точки зрения на мир: космоцентрическая и антропоцентрическая. Для последней мир есть прежде всего история. «Это есть также спор статического и динамического мирозерцания, понимания мира прежде всего в пространстве и понимания мира прежде всего во времени».

Не все миры, открывающиеся перед человеком, равноправны. «Природный мир, общество, государство, нация и т. п. частичны, и их претензии на тоталитарность есть поработочающая ложь, порожденная идолопоклонством человека». Приходится признать, что человек часто обретается в фиктивных, фантазматических мирах. «Люди чаще, чем думают, живут в царстве абстракций, фикций, мифов».

Мир не исчерпывается состоянием необходимости, разъединенности вражды и абсурда. Возможно другое состояние мира, но оно требует иного сознания.

На идее иных миров спекулируют оккультизм и теософия. Бердяев считает, что тайну личности нельзя постигнуть в свете восточной идеи перевоплощения душ. Ему чуждо разложение Р. Штейнером «человека на ряд скорлуп», сведение всего к «эволюции иных планетных миров». Идея «отделения души от плоти этого мира и перехода из этого мира в совершенно иной» противоположна вере в воскресение плоти и космическое спасение человечества и мира путем Церкви и *истории*. Для спасения нужно не уходить из этого мира в другой, а соединять этот мир с Богом, считает философ.

Согласно Бердяеву, универсум распадается на две сферы. С одной стороны — явление, феноменальный чувственный мир, природный и социальный мир, где царят необходимость и рабство, вражда и господство; с другой стороны — ноуменальный мир, дух, свобода, творчество, мир любви и сострадания.

Феноменальный мир Бердяев называет миром объективации. Отметим, что наиболее полно понятие «объектности» разработано в произведении «Я и мир объектов» (1934). Но следует принять во внимание и критику Бердяева со стороны Н. Н. Алексеева в смешении понятий. Бердяев не различает «объектности» как понятия, связанного с категорией объекта, и «объективности» как синонима истинности, беспристрастности¹. Этот мир далеко не подлинный и не единственный. Существование человека в этом мире — лишь момент его духовного пути. «Мир объектный — множествен, но в нем потеряна личность, он — бесконечен, но в нем закрыта вечность, в нем торжествует общее, но нет единства, он рационализирован, но он полон дурного иррационального, противоположен смыслу». Жизнь в феноменальном мире есть процесс родовой, детерминированный унифицированностью. Социальное царство создано для среднего, массового человека, для обыденности, для *das Man* (по выражению Хайдеггера).

Парадокс в том, что «борьба против власти объективации, т.е. власти Кесаря, происходит в пределах царства объективаций, от которого человек не может просто отвернуться и уйти».

В то же время представлять себе мир ноуменальный и мир феноменальный совершенно изолированными ошибочно. «Возможен прорыв ноуменов в феномены, мира невидимого в мир видимый, мира свободы в мир необходимости, и с этим связано все самое значительное в истории». Посланники Духа — пророки, творческие гении — приходят в этот мир из мира ноуменального.

То, каким представляется мир, во многом определяет сознание. Последнее выполняет задачу ориентирования человека в ми-

¹ Н. А. Бердяев. *Pro et contra*. Кн. 1. — СПб.: РХГИ, 1994.

ровой среде. Сознание борется с душевным хаосом, синтезирует внутреннюю жизнь. Но оно способно и приносить страдание. Причина этого несчастья в том, что сознание связано с раздвоением, с распадом на субъект и объект. Сознание пульсирует между подсознательным, стихийным, и сверхсознательным, духовным.

Человеческое сознание непродуктивно рассматривать статически, — оно изменяется, суживается или расширяется, и в зависимости от этого человеку открываются разные сферы. Так, Бердяев говорит, что сознание Канта весьма отличалось от сознания Аттилы, и поэтому им предстояли совершенно различные миры.

Основные интенции сознания, по Бердяеву: к порабоощающему миру объектности и царству необходимости и к миру подлинно сущему, царству свободы.

Но сознание не только проливает свет, но и напускает туман, порождает видения. «Нужно всегда помнить, — пишет Бердяев, — что мы вращаемся в мире, наполовину иллюзорном, созданном ложным направлением сознания». «Мир необходимости, отчуждения, абсурдности, конечности, вражды — есть мир суженного сознания». Более того, мир творим не только разумом, но и страстями и эмоциями, заботой и страхом, интересами и установками.

Проза жизни приучает человека к наивно-реалистическому восприятию мира. Этот видимый, чувственный мир, мир феноменов, слишком принуждает человека, чтобы он смог засомневаться в его подлинности и возвыситься над ним. Хорошо известно, что всякая глубокая философия начинается именно с этого сомнения, «с акта духа, возвышающегося над мировой данностью».

Для большинства людей реальный мир, «действительность» определяется пределами усредненного, типизированного сознания. «Человек свободен признавать реальным лишь очень малый, очень поверхностный мир». Объективирующее сознание детерминировано функцией приспособления к окружающей среде. В результате принудительного восприятия человек оказывается в рабстве у чувственного, природного мира, «от которого можно освободиться лишь всей полнотой жизни».

Эмпирический мир подлежит познанию комплексом физико-математических наук, которому Бердяев отдает должное как наиболее точному, общеобязательному и верифицируемому. И все же для него «объективное» научное познание есть не более чем чисто прагматическая ориентировка.

Этот эмпирический мир предстает лишь дневному сознанию, он дан в пассивном, отраженном опыте не как цельный космос, а

как хаотический набор фрагментов. Его образы и картины, открывают нам не самую первореальность, а лишь ее знаки.

Природу, где собственно и разворачивается познание и практическая деятельность человека, Бердяев не склонен считать автономной сферой. Хотя человек живет в природном мире, из нее он не выводим. Более того, этого мира как независимой реальности нет. Положение человека в природном мире, вопреки эволюционистскому оптимизму XIX в., философу видится трагическим.

Особым местом для человека предстает земля. Для христианского сознания она и происходящее на ней имеет абсолютное, основополагающее значение; земля не может быть рассматриваемая как один из многих миров. Земная жизнь человека и человечества лишилась бы всякого религиозного смысла, если бы для каждого существа жизнь эта не была неповторяемым делом спасения, если допустить возможность отложить дело спасения до новых форм существования (метемпсихоз) и перенести в другие миры. «На земле, в земной истории человечества есть абсолютное касание иного мира, и точка этого касания единична и неповторима в своей конкретности».

Конкретной земле в универсуме противостоит абстрактное бытие. Бердяев его не жалуется. «Признание бытия верховным благом и ценностью означает примат общего над индивидуальным, это — философия универсалий. Бытие есть идейный мир, подавляющий мир индивидуального, единичного, неповторимого».

Излюбленная бердяевская метафора — болезнь. У него «бытие заболело». Говорить он предлагает не о бытии, а о «бывании». Но если к результатам недуга закономерно отнести отчуждение, исчезновение, тление и умирание, то рождение и возникновение с заболеванием ассоциируются слабо. В глазах мыслителя болячка перебрасывается с материи на действительность, с «эмпирического» мира на реальность. Особо тяжелая форма нездоровья по Бердяеву — подчиненность законам логики. Среди прочих болезненных симптомов — внешняя закономерность, необходимость, принуждение, разорванность, атомизация, овнешнение, отяжеленность, сдавленность, закостенение.

Не ограничиваясь общим образом хвори, философ ее детализирует. Болезненной сыпью мира мерещится Бердяеву являющееся в пространстве и времени материальное бытие. Познание этих нездоровых проявлений Бердяев отводит науке. Виновника эпидемии далеко искать не приходится: «человек, призванный быть добрым царем природы, заразил всю природу».

Бердяев четко видит изъяны сего мира. Мировая среда постоянно угрожает человеку, средства к жизни которого ограничены. Это побуждает к борьбе, насилию, бессмысленным, истреби-

тельными войнам. Приходится страдать от «власти объективированного мира, от его нестерпимого рабства».

В итоговой книге «Опыт эсхатологической метафизики» (1947) Бердяев с горечью констатирует, что в этом мире худшие, наиболее приспособляющиеся выживают и торжествуют; лучшие преследуются и погибают. Судьба пророков и гениев трагична. В сем мире торжество лишь посредственности и бездарности. Как следствие — «иерархия ценностей опрокинута, низшее стало высшим, высшее задавлено».

Мир лежит во зле, он полон страдания. Но первородный грех возник не в этом мире. В план Творца страдание не входило. Но есть и иное — Голгофское страдание — победное, вырывающее из мира корень страдания, уготовляющее воскресение. Победа над злом — «Я победил мир» — есть «преображение, просветление, рассеяние призрачного мира зла как страшного кошмара».

Приговор, который выносит Бердяев, суров: этот лживый и призрачный мир должен сгореть. Возможно, так понимает Бердяев слова апостола Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин 2, 15). Позиция философа диаметрально противоположна воззрениям Лейбница, считавшего этот мир лучшим из миров.

Полемизируя с Бердяевым, называвшим эмпирический мир «коростой», Лев Шестов в статье «Похвала глупости» не без иронии писал: «внешний мир мне очень нравится. Я люблю и день, и раннее утро, и сумерки, и глубокую ночь. Чудесны высокие снежные горы и зеленые долины. А как хороши безлюдные каменистые пустыни в Альпах! А зимняя метель и бесконечный осенний дождь имеют свою прелесть...» Подобное настроение ближе духу русской (и мировой) литературы, чем бердяевские инвективы.

Динамический взгляд на мир приводит к пониманию мира как истории. Но исторические миры Бердяев не идеализирует; ведь они «имеют дело уже с объективацией». Для истории человек является пасынком, тогда как государство — истории любимое дитя.

Мы привыкли считать, что человек — творец истории. По Бердяеву, история есть и трагическое столкновение личного, сверх-личного и до-личного.

История не следует призыву «Все во имя человека, все для блага человека». У нее свой смысл («замысел упрямый»), не всегда постигаемый человеком. В человеческой комедии (драме, трагедии) нелегко понять, какую играешь роль. История устремлена к общему и универсальному, а не к приватному и индивидуальному. На языке постмодернизма можно было бы сказать, что человек представляет собой сингулярность, история же (в ее гегелевско-марксовом облике) чересчур логоцентрична. Бердяев пред-

лагает оригинальную формулировку: «человек проявил большое бескорыстие, согласившись на историю».

Общественное развитие связано с прогрессом. Позитивисты считают, что в процессе совершенствования в мире будет уничтожено всякое зло. «Теория прогресса в обыденном сознании бестрагична — это прекраснодушная теория, которая хотя и утверждает страдальческий и кровавый путь истории, но верит, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров».

Разговоры о кризисном состоянии человеческого общества начались не сегодня. От эпохи к эпохе спад сменялся развалом, упадок — распадом. Сравнение современного положения с концом мира античного стало уже стандартным.

Бердяев мрачно констатирует, что «мы живем в мире преступления и в мире фантазмов». Ощущение «агонии мира» является достаточно общим. Бердяев любит говорить о «падении мира». Ситуация, однако, усугубляется тем, что это понимание «сопровождается не усилением, а ослаблением сознания греховности».

Катастрофичность состоит в том, что мир начал угрожать человеку со всех сторон. Тыла нет, сплошная линия фронта. Видеть в этом Бердяев склонен историю: «она нуждалась в человеке, как в своем материале, но не признавала его своей целью».

Нашу эпоху он воспринимает как апокалиптическую. Однако его толкование апокалипсиса нетрадиционно. Для него это не только конец света, но и то, что может быть названо концом истории.

Наиболее полно воззрения Бердяева по этому вопросу выражены в книге «Судьба человека в современном мире» (1934). Она развивает историософские мысли, выраженные в предшествующих работах «Новое средневековье» и «Смысл истории». Бердяев ясно видит, что мир развился до новых, небывалых проблем и противоречий, до небывалого обострения сознания. То, что сейчас происходит, не просто является судом над отдельно взятой исторической эпохой чудовищных экспериментов в отдельно взятых странах. Он считает, что вершится суд над историей как таковой.

Бердяев остро воспринимал патологию современного общества. Он четко видел коллективное безумие немецкого народа. Улавливая сходство «социальной морфологии» двух тоталитарных режимов, философ отмечал и различия. Для коммунизма ненависть — это путь, метод, но никак не идеал; для нацизма же ненависть — неотъемлемая часть его идеологии.

Безумный мир современной экономики — с безработицей, перепроизводством, «властью бумажных фикций» — Бердяев также не приемлет.

При капитализме жить — по волчьим вьть, — сокрушается философ. Это очень похоже на коммунистическую пропаганду,

но нужно помнить, что Бердяев давно вырос из марксистских штанишек (и всегда стремился одеваться по-европейски). Для него «капитализм есть прежде всего антиперсонализм, власть анонимности над человеческим существованием».

Окончательное ниспровержение зла может осуществиться лишь в конце истории. Но здесь возникают проблемы. С одной стороны, нельзя мыслить конец мира по сю сторону истории, т. е. нельзя объективировать конец. С другой стороны, нельзя мыслить конец мира вне истории, как исключительно потустороннее событие. Здесь Бердяев видит антиномию кантовского типа: «В конце есть неотвратимый момент суда совести, которая есть как бы голос Божий в человеке. Но в конце есть и наступление царства Божьего».

Ключевая мифологема Бердяева — Кесарь. Это «вечный символ власти, государства, царства этого мира». Кесарь соотносится с объективированным миром, он подчинен необходимости. Метафора Кесаря получает у Бердяева разнообразные осмысления. По мнению Бердяева, выраженному в работе «Царство духа и царство кесаря» (1949), роковое значение имели слова апостола Павла: «Несть бо власть, аще не от Бога» (Римлянам 13:1).

Строя общество, человек получает эффективный инструмент приспособления. Однако, коллектив нивелирует человеческую жизнь. Устанавливается деспотическая власть общего, «коллективного» над частным, индивидуальным. «Ложь коллективизма заключается в том, что он переносит нравственный экзистенциальный центр, совесть человека и его способность к суждениям и оценкам из глубины человеческой личности в quasi реальность, стоящую над человеком». Человек перестает быть высшей ценностью.

Государство — детище этого мира. По идее, его роль служебная и подчиненная. Однако государство всегда стремилось переходить за свои границы, превращалось в автономную сферу, становилось тоталитарным. По мнению Бердяева, государство было создано актом насилия в грешном мире и лишь терпимо Богом, против воли которого возникла царская власть.

К иллюзорным мирам принадлежат утопии. Социальные утопии «Маркса и Фурье заключают в себе идею совершенного, гармонического состояния общества, т. е. веру в то, что таким может быть царство Кесаря». К социализму отношение Бердяева двойственно. С одной стороны, тот есть социальная утопия. С другой, — «социализм есть суровая и прозаическая реальность, есть необходимость в известный час истории».

Марксисты-коммунисты — творцы утопий — «представляют собой необыкновенное, почти таинственное явление. Они живут в созданном ими фиктивном, фантазмагорическом, мифи-

ческом, отвлеченно-геометрическом мире». Мир они по-манихейски делят на две части. В результате возникают два мира, два лагеря, образа жизни.

Для революционного волюнтаризма коммунистов мир пластичен, «из него, как из воска, можно лепить какие угодно фигуры». Пафос Маркса связан с его верой в то, что человек, овладеет миром, создаст новое общество. Бердяев симпатизирует марксизму в его понимании возможностей человека изменить и подчинить мир.

Универсум допускает как историческую, так и пространственную дифференциацию. «Мир разделяется не только на национальности, но и на более широкие образования — мир латинский, англосаксонский, германский, славянский». Особо важное, всемирно-историческое значение деление — на Восток и Запад. С этим связан вопрос достижения всемирного единства человечества. «Самодовольная, западная гуманистическая культура склонна признавать свой тип культуры универсальным и единственным, не признает существования разных типов культур, не ищет восполнения другими мирами».

Современно звучит мысль Бердяева о том, что «национализм не включает в себе универсальной идеи».

В сердцевине бердяевского универсума царит свобода. Она приходит из иного, ноуменального мира. Свобода противоречит закону этого мира и опрокидывает детерминированный порядок мира феноменального. Происходит непрерывная борьба духа с природой, личности — с объектным миром, Бога в человеке — с «миром», находящимся в состоянии падшести. «Действительное развитие, прогресс в мире есть результат не закономерного необходимого процесса, а творческих актов, вторжения царства свободы в царство необходимости».

В царстве Кесаря разыскивать свободу бесполезно. Неверно рассматривать ее и как средство для социального строительства. В аспекте человека свобода есть его внутренняя творческая энергия. Посредством свободы человек может творить совершенно новую жизнь. Тем самым тема свободы разворачивается в тему творчества.

Творчество, по Бердяеву, есть создание нового космоса (см. «Смысл творчества»). Творческий акт человеческого духа устремлен к бесконечности, к трансцендентному, которое парадоксально должно быть признано имманентным. Творчество не есть отражение платоновского мира идей в сем чувственном мире, а есть активность свободного духа.

Творчество предполагает материал мира, но оно возвышается над реальностью предметного мира. Более того, «в творчестве есть элемент «из ничего», т. е. из свободы иного мира». Самое

главное идет не от «мира», а от духа. Парадокс творчества состоит в том, что будучи ноуменальным по своему первоисточнику, оно обнаруживает себя в мире феноменальном. В продуктах творчества просвечивает вечное.

Конкретным механизмом творчества является воображение. Образы художественных творений ведут реальное существование. «Воображение предоставляет выход из непереносимой реальности». Но ложное воображение, как и сознание, может ввергнуть в кошмар.

Творческий экстаз раскрывает мир последней, сокровенной реальности. Прозревается прорывающееся из иного плана мира, то, чего нет в «мире сем», в природной действительности». Творчество человека творит самую жизнь, иной мир.

В творчестве Бог и человек объединяются. Мир есть Богочеловеческое дело. Теургическое творчество приводит к более реальному миру, чем природная действительность.

Познавательное отношение в философии всегда считалось приоритетным. Познание — акт дерзновения. «Человек меряется своими силами со вселенной и в акте познания хочет возвыситься над ограниченностью и массивностью мира».

По Бердяеву, человек познавателью живет в двух мирах: в мире первичном, экзистенциальном, и в мире объективированном, вторичном.

В книге «Философия свободы» Бердяев задается вопросом: «Можно ли говорить о верховенстве науки?» Обоснование этого не может быть делом самой науки: принятие этого есть особая форма веры. У науки есть свои пределы, ограничения. Она не всегда достигает глубины. Наука говорит правду о «природе», верно открывает «закономерности» в ней, но она ничего не знает и не может знать о происхождении самого порядка природы, о сущности бытия. Наука ничего не может сказать о том, существуют ли или не существуют иные миры. Для Бердяева царство науки есть ограниченная сфера «патологического» знания. Ей подведомственна не безграничность бытия, а лишь состояние этого бытия в данной плоскости. Согласно Бердяеву, «наука изучает лишь *болезненное состояние мира*», в ее ведении лишь природный порядок, возникший в результате мирового недуга. Медицинскую метафору Бердяев разворачивает на все лады. Сфера науки Бердяев сравнивает с помещением больницы. «Физиология» же — учение о здоровой сущности мира — находится, по его мнению, в ведении метафизики, мистики и религии.

Бердяев предлагает и некоторую модификацию платоновского образа пещеры. «Можно изучить точно данную комнату, установить закономерность для действующих в ней сил, но правомерно ли отсюда заключить о том, что происходит во всем остальном мире и что произойдет, когда силы всего мира проникнут в

эту комнату». Мир представляется Бердяеву чуть ли не тюремной камерой. Стены этой «темницы» — «гносеологические категории, давящая нас пространственность, временность, необходимость, закон тождества».

Чисто интеллектуальное, дискурсивное познание не столько изучает подлинный мир, сколько создает объективированный мир, при котором нет соприкосновения с реальностью. Бытие превращается в продукт знания, мышления. В знании же Бердяев видит негатив. «Всякий акт знания, начиная с элементарного восприятия и кончая самыми сложными его плодами, заключает в себе принудительность, обязательность, невозможность уклониться, исключает свободу выбора». Тот факт, что причина порождает следствие, кажется Бердяеву ненормальным явлением.

Даже безобидная чернильница вызывает у Бердяева бурю эмоций: «она меня насилует... я не свободен принять ее или не принять». Философ болезненно ощущает себя жертвой применения силы. «Через знание мир видимых вещей насильственно в меня входит».

Функция научных понятий сугубо вспомогательна. Они ориентируют нас в запутанном мире, рационализируют предмет познания. «Понятие есть интеллектуальная защита». Законы логики означают, по Бердяеву, необходимые приспособления к условиям нашего мира. Человек мыслит по законам логики потому, что живет в данных формах бытия. Ограниченный разум (с законами логики) создается нездоровым состоянием природы. На каждом шагу бытие сдавливает мышление, ставит свои ограничители. Насилием, принуждением представляется и венец логики — доказательство.

Рационализированное сознание подвержено процессу социализации. Оно «принимает формы прочных, установившихся верований, святынь, вызывающих к себе идолопоклонческое отношение». В этом и выражается объективация, ввержение человека в мир принуждения. От гнета социальности свободна только «первичная интуиция».

Можно ли в познании уповать на разум? В мысли, в разуме пытались возвыситься над данным миром. «Но тем самым искание бытия было поставлено в зависимость от мышления». Бытие превратилось в объект мысли, объективацию. Разум столкнулся с собственным продуктом.

Пролегшая по миру трещина проходит и через разум. В результате происходит распадение на малый и большой разум. «Малый разум есть *ratio*, он рационалистичен, большой разум есть *Logos*, он мистичен». Малый разум озабочен частностями, большой разум функционирует в цельном режиме. Малый противопоставляет субъект и объект, большой постигает их тождество. Малый разум дискурсивен, большой разум — интуитивен. Ютре-

каясь от малого разума, от рассудка и приобщаясь к большому разуму, к Логосу, человек прозревает Разум мира, Смысл мира.

Соответственно разуму распадается и истина. Бердяев различает Истину с большой буквы и истину с малой буквы. «Истина субъективна, а не объективна, она объективируется в соответствии с миром необходимости». Истина «разменивается» на множество частных истин. Дробная же истина выдает себя за единую Истину, которая раскрывается лишь духовному возрастанию.

Пока наука поглощена частностями, мир ввергается во все большую тьму. В царстве Кесаря бескорыстно открытая истина может грозить гибелью.

«Все маленькие частичные истины получают свой свет от целостной, большой Истины». Раскрытие Истины есть творческий акт, преодолевающий рабство у объектного мира. Целостная Истина есть не отражение или соответствие реальности, а торжество смысла мира. Познание Истины есть преображение, просветление мира, а не отвлеченное, схематическое познание. «Истина не от мира, а от духа» Она относится не к феноменальному, а к ноуменальному, идейному миру.

Научный подход обнаруживает в мире лишь закономерность и необходимость, но не способен увидеть в мире разум, смысл. Его не найти логике, приспособленной к падшему миру. Смысл мира, по Бердяеву, раскрывается не в объекте, а в субъекте, т. е. в человеческом существовании. Но мало узреть смысл, должно стремиться к его торжеству. Не примиряясь с бессмыслицей мировой данности, нужно прорываться к иному миру, миру смысла.

Принято считать, что жизнь является высшей ценностью. Но, чтобы быть ценностью, — рассуждает Бердяев, — она должна иметь смысл. «Но смысл не может быть почерпнут из самого процесса жизни... он должен возвышаться над жизнью».

Парадоксальным образом вопрос о смысле жизни ставится смертью. «Смысл связан с концом». Смысл не может возникнуть в дурной бесконечности жизни. В сем законченном, самодостаточном мире все оборачивается бессмыслицей, тленом. Причина тому смерть. Но смерть является и идущим из глубины знаком, указывающим на существование высшего смысла.

Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира. Смысл не может раскрыться даже в бесконечном времени, он лежит в вечности, в полноте. «Смысл жизни для человека всегда лежит в Боге, а не в мире, в духовном, а не природном». Смысл, идущий из другого мира, опалает человека и требует прохождения через смерть.

По Бердяеву, мир сотворен Богом через Логос, через Смысл. Без Бога же мир лишен смысла и случаен. Христианское учение

о воскресении утверждает смысл жизни в этом мире, смысл мировой истории, оправдывает мировую культуру.

Истина и смысл в жизни все больше вытесняются абсурдом. Классическая философия уповала на объективность разума и смысл бытия. Современная философия сталкивается с абсурдным, бессмысленным миром. Таково положение человека в нынешнем мире. Но предчувствие этого складывалось давно: если нет воскресения и бессмертия, то мир абсурден и бессмыслен.

Познавательный механизм представляется Бердяеву кривым зеркалом. «Наука верно учит о законах природы, но ложно учит о невозможности чудесного, ложно отрицает иные миры». Философ считает необходимым признать, что существует и иррациональное познание, обращенное на иные миры.

Научное отношение к миру далеко не единственно. Метафизический и мифологический взгляд имеет не меньшее право на существование.

Философское познание, по Бердяеву, есть акт самоосвобождения духа. Философия способна видеть за феноменом, явлением, ноумен, вещь в себе, за природной необходимостью — свободу, за миром материальным — дух. «Философия ищет прорыва из рабства этого мира к иному миру, к совершенной, свободной жизни, к избавлению от муки, от уродства мировой данности».

Свой вариант мироотношения предлагает мистика. Мистический экстаз есть выход из разделения на субъект и объект, есть приобщение не к общему и объективированному миру, а к первореальности духовного мира, выход к свободе. «Мистика имеет свой внутренний источник света и не нуждается в назойливом полицейском фонаре малого разума». Мистик больше любит мир иной, божественный, чем этот мир.

С большим пафосом Бердяев говорит о том, что «величайшие подъемы духовного творчества связаны были с признанием существования иного мира». Исключительная посюсторонность делает жизнь плоской. В безмерной области первичного, нерационализированного сознания есть царство света. Там раскрывается Логос, смысл мира. «Так называемый «иной» мир не есть иной мир для меня, это есть по преимуществу мой мир», — восклицает философ.

Но «иной», лучший мир, нельзя мыслить натуралистически и объективированно. Это мир духа, который не есть иная «природа». Ошибочно думать, что «этот мир» — телесный, а «иной мир» — бестелесный. «Иной мир» тоже по-своему телесен.

По Бердяеву, «эсхатологическое чувство есть чувство происходящего развоплощения и перевоплощения мира... Стремиться нужно к победе над тяжестью мира, т. е. к преображению».

Иной мир, мир мысли и свободы, раскрывается лишь в духовном опыте, не в объекте, а в субъекте, в плане внутреннего существования.

Провозвестником, окном в мир иной предстает чудо. Бердяев не сомневается, что «в замкнутое помещение нашего мира могут прорваться силы иного мира, силы божественные, благодатные». В качестве примера он берет закон всемирного тяготения, то есть общеобязательную истину для нашего природного мира. Но он верит, что «сверхприродные благодатные силы могут победить ту тяжесть мира, которая есть область действия этого закона».

Несмотря на то, что современная наука и философия не относятся всерьез к чудесному, Бердяев провозглашает: «Чудо разумнее необходимости, чудо согласно *со смыслом* мира».

Выявление, «обличение» мира невидимых вещей лежит в глубинах мистики. В «Философии свободы» Бердяев напоминает, что догматы — реальные видения, встречи, что «догматы раскрываются лишь в мистическом озарении, что через них дан выход в мир иной». Так, преосуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христову есть таинственное преображение мира, победа над порядком природы.

Сопоставляя видимый мир и мир иной, Бердяев спрашивает, почему относительно этого, эмпирического, мира мы утверждаем, что его знаем, в мир же невидимый мы только верим? «Почему бытие этого мира кажется нам таким несомненным, таким принудительным, бытие же мира иного кажется сомнительным и необязательным?»

Ответ дается в сложной диалектике знания, веры и воли. Последней инстанцией, удостоверяющей существование того или иного мира, является лишь вера. Вера требует активности всей человеческой природы, общего ее напряжения, а не только одного интеллекта, служащего знанию.

В свою очередь, вера определяется Бердяевым как волевой акт свободного избрания. Речь идет не о проблеме выбора из ряда однотипных вещей, а о нахождении предмета своей любви. Вольный подвиг веры чреват риском и опасностью. Избранное волей становится для нас принудительным, навязчивым. «Разгадки двойственности мира этого и мира иного, вещей видимых и вещей невидимых нужно искать в тайне нашей умопостигаемой воли». Воля оказывается последним форпостом, далее которого анализ не идет.

Бердяев считает, что в принципе знание и вера — одно и то же. «Миры знания и веры условно даны как разные порядки, но они могут быть сведены к единству». «Поверив» в нечто, мы представляем, что стали его «знать». Твердость нашего отношения к предмету принимает форму принуждающую, связываю-

щую, т. е. форму знания. Сила веры превращается в обязательность знания. То, что мы знаем, приобретает доказательную силу.

И все же вера, как несущая в себе ядро свободы, для философа выше знания. В качестве некоторого утешения Бердяев говорит, что «вера должна уважать знание как необходимое добро в данном дефектном состоянии мира и человечества».

По Бердяеву, иллюзия знания этого мира основана на изначальной вере в него. «Актом нашей умопостигаемой воли, в таинственной глубине бытия, до времени, предмирно совершили мы избрание этого мира, поверили в него, определили себя к бытию в данной действительности, связались с этим миром тысячами нитей». Для мира видимого акт выбора уже совершен; для мира же иного его еще нужно совершить.

В акте веры — начало виденья невидимых вещей иного мира. «Верить в Христа значит утверждать свободу религиозную, значит прозревать невидимый мир свободы за видимым миром принуждения». Вера в воскресение есть акт отречения от ограниченности своей и мира. «Таинство евхаристии невидимо и оно совершается в таинственной, скрытой от феноменального мира сфере, доступной лишь вере, которая есть обличение вещей невидимых».

Бердяев заостряет противопоставление двух миров: «Мир имеет два смысла: мир как творение, отпавшее от Творца и обоготворившее себя, призрачный и бедный, и мир как творение, соединенное с Творцом, реальный и богатый». В первом мире все дано в мистической цельности и слова полны реального значения; во втором все рационализировано и слова имеют лишь номинальное значение.

Но несмотря на оппозицию этого и иного мира, их не стоит отделять друг от друга. Земная жизнь в этом падшем объектном мире несет в себе ноуменальное ядро. Наш обманчивый, призрачный мир является ареной действий подлинного, первореального мира свободы, творчества, добра. Божий мир прорывается в этот мир. «Видимый мир есть символ мира невидимого».

Главная мысль Бердяева — о Боге. «Только Богу я могу отдаваться без остатка, только ему я могу безгранично доверять», — признавался философ. Любовь к Богу была у него сильнее любви к человеку.

Мыслить о Боге рациональными понятиями, почерпнутыми из этого мира, невозможно. К сожалению, «человеческие, слишком человеческие счета были перенесены на Бога, на Его отношение к миру и человеку. Бог мыслился в здешних категориях силы, власти, управления, суда. Но Бог не походит ни на что в мире объективации. Бог не есть даже бытие, тем менее сила, в здешнем смысле, или власть, но есть дух, свобода, любовь, вечное творчество» («Опыт эсхатологической метафизики»).

Бердяев призывает освободиться от всякого антропоморфизма и космоморфизма, понимая, что народы жили не реальностью Бога, а социоморфным мифом о Боге. Связь человека с Богом не природно-бытийственная, а духовно-экзистенциальная, глупинная. «Если нет Бога, то нет Тайны. Если нет Тайны, то мир плосок и человек двумерное существо, неспособное восходить в гору».

Философ отрицает распространенный взгляд, что Бог есть первопричина мира. Причинные отношения совершенно неприменимы к отношениям между Богом и миром, Богом и человеком. Категория причинности срабатывает лишь в мире феноменов. Бог не является природной силой, действующей во вселенной. Бог не есть «мир». Он обнаруживает себя в этом мире, но делает это специфическим образом. Бог открывается в пророках, в Сыне, в веянии Духа, в духовных подъемах человека, и Его откровение в мире эсхатологично. «Бог находится не в «мире», не в его данности и необходимости, а в его заданности и свободе». Бога можно найти лишь в Истине, Добре, Красоте, Любви.

Бердяев не может согласиться с мыслью о том, что Бог был творцом этого падшего мира. Нет Бога и в объективном миропорядке, Он не присутствует в необходимости. «Бог не действует повсюду в этом объективированном мире. Он «не присутствует в чуме и холере, в ненависти, терзающей мир, и в убийстве, в войнах и насилиях, в попирании свободы, в тьме невежества»

Признание Бога Господином и Управителем этого мира несовместимо с торжеством в мире зла и страдания. В согласии с Кьеркегором, Бердяев утверждает, «что Бог остается инкогнито в мире». Здесь заправляет не Бог, а князь мира сего. Бердяев возражает Шлейермахеру в том, что религия есть чувство зависимости человека от Бога. По словам Ф. Степуна, идея односторонней зависимости человека от Бога казалась Бердяеву унизительной. В автобиографии он парадоксально утверждает, что «Бог менее могущественен, чем полицейский у моего дома».

Отношение личности с Богом никоим образом не сводятся к подчинению. Известный тезис о том, что человек не есть средство, Бердяев доводит до предела, утверждая, что человек не может быть и орудием божественного промысла.

Для Бердяева факт существования мира во времени, а не только в пространстве, означает, что мир не закончен, не завершён в своем творении. Если бы миротворение было замкнуто, то была бы невозможна новизна.

«Божье творение не закончилось, боготворческий процесс продолжается. Это сознание ведет нас к проблеме теургии». Теургия есть сотворчество Бога и человека, творчество божественного в мире, продолжение творения Бога. Все великие творцы, гении, таланты — такие же участники в Божьем деле, как и святые.

Путь спасения ведет в божественный космос, в преображенный мир. «Спасение мира есть вытеснение зла в сферу небытия, утверждение мира истинного и уничтожение мира ложного».

Последний образ нельзя понимать прямолинейно. «Спаситься — не значит умереть для этого мира и перейти в мир иной, спастись — значит так преобразить этот мир, чтоб над ним не властвовала смерть, чтобы в нем все живое воскресло. Спасение есть дело жизни, а не смерти, дело этого мира, а не другого». Спасение — это преобразование бытия на новых основаниях, «устранение противоположности между Христом и миром, проникновение Христа во все клетки мира, свободное принятие Христа всеми частями мира».

По Бердяеву, «Бог есть Смысл и Истина мира, Бог есть Дух и Свобода». Духовному миру, духовной жизни, духовному существованию принадлежит примат над бытием. Эти проблемы обсуждаются в книгах: «Дух и реальность» (1937), «Царство духа и царство кесаря» (1949).

Существенно, что дух не есть реальность, наравне с другими реальностями; дух есть реальность в ином смысле, он есть свобода, творческая энергия; преображающая мир.

Принципиальным положением является то, что «не дух есть эпифеномен материального мира, а материальный мир есть эпифеномен духа. Первореальность же духа иная, чем все реальности объективированного мира». Над Духом не властны законы логики, но в нем есть свет Логоса.

В нашем мире, в пространстве и времени борьба Духа и Кесаря идет с переменным успехом. Дух прорывается из иного мира в этот мир и опрокидывает его необходимость и рабство. С другой стороны, происходит постоянное самоотчуждение духа в объектный мир и дух неизменно должен возвращаться в собственную глубину. Бердяев убежден, что «окончательная победа царства Духа может мыслиться лишь эсхатологически».

Нельзя говорить об объективном духе на манер Гегеля. Духовность скорее субъективна. Строго говоря, дух находится по ту сторону объективного и субъективного. Духовность есть освобождение от власти мира. «Духовное начало всему дает смысл и связь».

Церковь — грандиозная и величественная сфера. Будучи государством в государстве, она в то же время «есть душа мира, соединившаяся с Христом-Логосом». На вопрос, можно ли дать дефиницию церкви, простого ответа нет. «Церковь не имеет внешних признаков и границ». Чтобы понять ее вполне, в ней нужно жить.

Церковь, разумеется, — реальность. Но она по-разному предстает неверующим и тем, кто верит и в ней живет. Снаружи можно лишь разглядеть храмы, облачения, ритуальные действия.

Подлинная реальность церкви пребывает за гранями церковных камней, обрядов, соборов. Как внешнюю реальность ее признают враги и недоброжелатели. Бытийственная реальность Церкви мистична и сокровенна.

В качестве видимой реальности церковь носит символический характер, в ней даются лишь знаки иного, духовного мира. Феноменальная сторона церкви — это объективация и символизация духа; ноуменальная ее сторона есть дух, царство Божие.

На Церковь нельзя смотреть, как на одну из многих реальностей, как на «нечто». Церковь — это вся полнота бытия, жизни мира и человечества. «Церковь есть просветленный и преображенный мир, просветленное и преображенное общество».

Завершая беглый обзор философского ландшафта Бердяева, зададимся вопросом о том, кто же этот «частный философ»? Сам себя он считал «верующим вольнодумцем». Собратья по перу (друзья и недоброжелатели) нарекли его «рыцарем свободного духа», «пленником свободы» (М. Спинка), «пленным пророком» (Н. П. Полторацкий), «авангардным мистиком» (В. Ф. Эрн). Лев Шестов главным талантом Бердяева считал дерзость; Петр Струве отмечал его «несостоятельность и соблазнительность», «нездоровое апокалиптическое велемудрие».

Подход Бердяева характеризовали по-разному: «сверхрационализм» (С. Л. Франк), «философия метафизического барства, эсхатологического анархизма и романтического нигилизма» (Н. П. Полторацкий), видели в ней «пророчественное исступление» (Вяч. И. Иванов), «неискреннее христианство» (А. Д. Билимович), «философское донкихотство» (Б. В. Яковенко).

Нашему взгляду философ представляется Икаром, вознамерившимся вырваться из пут грешной земли и устремиться к божественному Солнцу. Но тут не лишне прислушаться к словам Вячеслава Иванова: «человек, соблазненный помыслом чудесного полета, низвергается в небытие».

В. Н. Калужный